

В отличие от Шэнь Цинжана, пошедшего вкруговую и пустившего в ход баллы системы на покупку орхидей, Сюэ Фэйфэн действовал гораздо прямее — он решил выложить чистую звонкую монету.

Морщинистая старая ладонь повара Чжана махнула в воздухе:

— Хоть десять тысяч лянов золота дай — на тот свет всё равно не унесу. Сегодня учеников не беру.

Сюэ Фэйфэн окинул повара Чжана взглядом и, убедившись, что серебро тому и впрямь не нужно, убрал деньги обратно. Помолчав мгновение, он произнес с глубоким сочувствием:

— Год назад маркиз Янпин скончался. Сюэ Лань за всю жизнь так и не родила детей и перебралась жить на яв.

По старшинству Сюэ Фэйфэн должен был звать Сюэ Лань тетушкой. Год назад, ведя войска с юго-запада через гору Хуго как раз на праздник Драконьих лодок (Дуанью), Сюэ Лань прислала ему десять цзиней постных цзунцзы.

На этом их знакомство и ограничивалось. Но Сюэ Фэйфэн слыхивал, что до замужества Сюэ Лань была влюблена в повара по фамилии Чжан из княжеского дворца, да только в итоге оба оказались разлучены и обречены на одиночество. Те десять цзиней цзунцзы были перевязаны столь искусным узлом, что глубоко врезались Сюэ Фэйфэну в память. Увидев сегодня перед домом повара Чжана повсюду орхидеи и красную бечевку на двери, он внезапно догадался об этом.

— Ты... ты знаешь ее? — Дрожащая рука повара Чжана толкнула дверь. Его мутные глаза вдруг прояснились, словно на закате дней сквозь тьму блеснул луч света.

— Имел честь видеть однажды.

Повар Чжан в оцепенении уставился на свежесаживаемые клубни орхидей. Перед его глазами словно снова предстала барышня Сюэ пятнадцатилетней давности — та, не смея сорвать ни веточки, ни листочка, каждый день бегала из западной части княжеского дворца в восточную только ради того, чтобы взглянуть на один-единственный куст орхидей.

Сегодня к нему пришли двое молодых мужей, души не чаявших в своих супругах: один принес цветы, другой — вести о дорогом человеке. Прескверный нрав повара Чжана улегся, и от него самого повеяло той самой юной, живой свежестью, что и в давние дни в княжеском дворце.

— Заходи и ты.

«И ты?» — Сюэ Фэйфэн слегка удивился и, входя в дом, насторожился.

Кухня прилегала к горе, и внутри царил полумрак. С чуткостью Сюэ Фэйфэна не составило труда обнаружить, что в комнате находится еще один человек. По дыханию — неловко скрываемому и оттого выдающему присутствие с потрохами, — а также по витавшему у носа тонкому аромату туши Сюэ Фэйфэн рассудил, что это хилый книжник, не способный и цыпленка связать.

В деревне, кроме Пань Юньшаня, других ученых мужей не водилось, стало быть, этот человек был не из местных.

Подумав об этом, Сюэ Фэйфэн решил, что таиться незачем, и не стал возвращаться на улицу за костылями, чтобы те не мешались под ногами.

Шэнь Цинжань прижался спиной к задней стене, а его сердце колотилось так, будто от вибрации вот-вот затрясется сама стена.

Сюэ Фэйфэн не хромой?!

Неудивительно, что обе его ноги на ощупь ничем не отличались от ног обычного человека! Обманщик! Каждый день притворяется хромым, вымогая его жалость! Шэнь Цинжаню безумно захотелось выскочить и устроить с Сюэ Фэйфэном настоящую мужскую дуэль на сброшенных масках!

«Вот только я гарантированно проиграю», — трезво рассудил Шэнь Цинжань. Он-то просто притворяется хромым, а я — притворяюсь женщиной! Чего доброго, Сюэ Фэйфэн еще прижмет меня к полу и покалечит. В конце концов, против нехромого Сюэ Фэйфэна старый трюк не пройдет: отнять костыли и дать дёру не выйдет, тут даже фора в сорок метров не спасает!

Но ведь Сюэ Фэйфэн работал не меньше других, да еще и рвался сделать всё сам! Чего он добивался?!

Шэнь Цинжань никак не мог этого взять в толк, как вдруг в его памяти вспыхнули моменты, когда Сюэ Фэйфэн обрывал себя на полуслове. Кажется, еще с того дня, как высадили саженец цинду, Сюэ Фэйфэн твердил, что для исцеления его ноги не хватает лишь этого одного лекарства.

Выходит, Сюэ Фэйфэн выздоровел?

Но зачем тогда обманывать его? Шэнь Цинжань мысленно прокрутил их разговоры с самого начала, и его озарила догадка: неужели Сюэ Фэйфэн боялся, что он сбежит из дома, и потому притворился хромым, чтобы удержать его рядом?

В памяти одно за другим всплыли его собственные прошлые дурацкие и жеманные речи, и Шэнь Цинжань стыдливо опустил голову. Сюэ Фэйфэн, лишь бы следовать правилу «бесполезный немой и хромой — отличная пара, никто никого не тянет на дно», даже о выздоровлении ноги сказать не осмелился!

Сюэ Фэйфэн что, дурак? С одной стороны, добровольно соглашается быть честным добряком, «принимающим чужой грех», а с другой — изо всех сил бережет его самолюбие. На всем белом свете нет никого глупее Сюэ Фэйфэна!

Ошибочно посчитал, что он беременный — и промолчал; нога зажила — и снова ни слова... Шэнь Цинжань шмыгнул носом. До чего же Сюэ Фэйфэн бедолага! Нынче он просто обязан научиться вкусно готовить, чтобы кормить его!

Шэнь Цинжань молниеносно сорвал синий кусок ткани, в который была завернута одежда, обмотал им голову и завязал узел на затылке, оставив открытыми только глаза.

Но этого показалось мало. Шэнь Цинжань панически огляделся по сторонам, заметил в углу соломенную шляпу, вытянул пальцы, ловко поддел ее и мгновенно напялил на голову.

Он был ниже Сюэ Фэйфэна ростом. Если тот встанет рядом, то из-за полей шляпы увидит разве что его подбородок, а глаз не разглядит вовсе.

К тому же на нем сейчас было два комплекта одежды, так что фигура казалась намного шире прежней. Сюэ Фэйфэн ни за что его не узнает.

Идеально.

Шэнь Цинжань с независимым видом выскочил из-за стены, чувствуя себя хладнокровным мечником.

Повар Чжан на мгновение опешил. В юности, служа в княжеском дворе, он и не такое видал, а потому мигом сообразил: у этого юноши с Сюэ Фэйфэном явно какие-то счеты. Молодой человек ему нравился — бойкий на язык и толковый. Что там у них снаружи — дело их собственное, но раз уж парень пришел к нему учиться стряпне ради жены, устроить потасовку под его крышей было бы неудобно.

Потому он решил прикрыть его:

— Эх, молодой господин — он и есть молодой господин! Только вошел на мою кухню, как всё лицо сыпью пошло. Что, до сих пор не сошла?

Шэнь Цинжаню до смерти захотелось упасть на колени и назвать повара Чжана родным отцом.

— Дела плохи. Давайте поскорее начнем, а я потом побегу домой мазь прикладывать.

Повар Чжан внезапно сменил гневливость на милость:

— Ладно. Раз оба пришли учиться стряпать для жен, буду учить вас вместе. Нечасто ко мне гости заходят, так что навязывать ничего не стану — советайтесь и выбирайте сами.

Сюэ Фэйфэн еще пару раз бросил взгляд на Шэнь Цинжаня. Станный какой-то тип: не похоже на сыпь, скорее уж человеку нельзя показывать лицо. Впрочем, у кого в этом мире нет тайн? У него самого целая гора секретов от Шэнь Цинжань. Видя, что реакция незнакомца не выдает знака знакомства, Сюэ Фэйфэн ослабил хватку и сказал повару Чжану:

— Премного благодарен.

Лишь теперь Шэнь Цинжань понял, что Сюэ Фэйфэн пришел с той же целью! Пользуясь защитой соломенной шляпы, он с замиранием сердца часто-часто захлопал ресницами, пытаясь смахнуть набежавшие слезы.

Сказал, что пошел за дровами, а сам опять явился выжимать из него слезы благородными поступками!

Повар Чжан спросил:

— Каковы вкусы у ваших жен?

— Он неприхотлив.

— Она капризна в еде.

Два голоса прозвучали одновременно. Контраст вышел настолько разящим, что у Шэнь Цинжаня от смущения чуть дым из ушей не пошел, и он не удержался от возражения, надув губы:

— Вовсе нет!

«Твою же мать, ляпнул не подумав!»

Реплика прозвучала столь быстро и естественно, что Сюэ Фэйфэн невольно повернулся в его сторону.

Шэнь Цинжань поспешил загладить промах:

— Разве можно так наговаривать на собственную жену? При чужих людях надо хоть немного оставлять ей лица!

Сюэ Фэйфэн ответил:

— Если не сказать правду, как подобрать правильное средство?

Шэнь Цинжань гордо выпятил грудь: Да я вообще не болен! А ну-ка скажи это мне в лицо!

— Кто из вас пойдет мыть котел? — Повар Чжан точил нож у очага, недоумевая, с чего это двое парней подшучивают и заигрывают друг с другом.

Шэнь Цинжань стоял как вкопанный. Раз уж Сюэ Фэйфэн больше не хромой, то его собственную лень можно простить:

— Пусть младший брат моет.

Сюэ Фэйфэн, у которого вырвали старшинство на словах, не стал спорить. Он схватил лежавшую рядом щетку и с силой прошлся по котлу пару раз.

— Мой котел не терпит такого трения, ты мне его насквозь продерешь! — Повар Чжан ткнул пальцем в Шэнь Цинжаня. — Ты иди.

Шэнь Цинжань, боясь, что Сюэ Фэйфэн узнает его руки, спрятал их в рукава и, зажав щетку двумя пальцами, еле-еле прошлся по дну котла, не в силах смахнуть даже пылинку.

Повар Чжан едва не скончался от злости на этих двоих, но он еще не знал, что это только начало.

Спустя два часа повар Чжан в отчаянии взмахнул руками и уселся на табурет:

— И как это ваши жены до сих пор не помёрли от злости на вас?!

В какие времена живем: всякому дураку достается жена, и лишь он один, старик, доживает век в одиночестве, да он и просто, готовить барышне Сюэ всю жизнь посчитал бы за невиданную роскошь!

Шэнь Цинжань молча переглянулся с Сюэ Фэйфэном: Да потому что мы оба готовим одинаково отвратительно!

Повар Чжан велел тому, у кого больше сил, пойти вылить воду. Едва Сюэ Фэйфэн вышел, старик окинул Шэнь Цинжаня двусмысленным взглядом:

— Как только он пришел, почему мне кажется, что ты начал откровенно отлынивать?

Шэнь Цинжань густо покраснел. Дома Сюэ Фэйфэн вечно рвался делать все сам, и Шэнь Цинжань подсознательно решил, что не сможет его переплюнуть, а потому просто стал ждать в сторонке. К тому же то, чему он научится сегодня, ни в коем случае нельзя показывать при Сюэ Фэйфэне, иначе это будет прямым признанием.

В новом раунде обучения повар Чжан снова подпрыгивал, ругая обоих за полное отсутствие таланта: в одну секунду орал на Шэнь Цинжаня, чтобы тот приложил силу, а в следующую секунду рывал на Сюэ Фэйфэна, что у того в руках кухонный нож, а не топор.

В конце концов повар Чжан окончательно потерял терпение:

— Почему бы тебе просто не взять его за руку! Вы двое можете компенсировать силу друг друга!

И Шэнь Цинжань, и Сюэ Фэйфэн дружно выразили отказ.

В этот момент со стены свалилась крыса. Ожегшись о горячую плиту, она хаотично заскребла лапами и стрелой метнулась прямо к Шэнь Цинжаню. Шэнь Цинжань отродясь не видел крыс, с такой яростной дурью прыгающих ему на грудь, и на одном инстинкте вцепился в рукав Сюэ Фэйфэна, спрятавшись за его спину.

Сюэ Фэйфэн невозмутимо припечатал крысу кухонной лопаткой к стене — да так, что та сплющилась, точно вяленая тушка, и даже не упала.

У повара Чжана разболелась голова:

— О-опусти лопатку!

В тот момент, когда Шэнь Цинжань прижался к нему, Сюэ Фэйфэн четко ощутил, что перед ним самый настоящий мужчина. Ему мгновенно стало смешно: с какой стати он решил, будто этот тип похож на «говорящую» Шэнь Цинжань?

Спустя два часа Шэнь Цинжаня выставили вон из учеников. Поняв, что повар Чжан просто дает ему возможность уйти первым, он изобразил глубокую печаль:

— Моя беременная жена не может оставаться одна. Брат, я пойду первым.

И заодно прямо в глаза пару раз отыгрался на Сюэ Фэйфэне, вернув себе старшинство на словах.

Сюэ Фэйфэн положил слегка обуглившуюся и зажаренную в форме корзинки рыбу-белку, вытер руки и собрался было проследовать за ним, чтобы разнюхать, в чем дело.

Повар Чжан взмахнул тряпкой:

— Жарь еще одну.

— Может, в следующий раз...

— У того парня жена всеядна и с хорошим аппетитом, ему сам бог велел уйти раньше! — Повар Чжан прикрыл глаза. — А ты дело другое. Разве ты не сам говорил, что твоя супруга привередлива?

Сюэ Фэйфэн вспомнил Шэнь Цинжань, которая воротила нос от любой стряпни, а затем

взглянул на полуобугленную рыбу-белку, представив, как Шэнь Цинжань с мученическим видом будет давиться ею. В его душе мгновенно созрел вывод.

Шэнь Цинжань важнее.

Он решительно выудил из ведра последнюю рыбину, счистил чешую и выпотрошил внутренности — ловко и умело.

В конце концов, промучившись целое утро, эти двое извели всех карпов, плававших в маленьком прудике на заднем дворе повара Чжана. Шэнь Цинжань изгадил троих, Сюэ Фэйфэн — четверых, причём резал рыбу исключительно Сюэ Фэйфэн.

Как уж так вышло — один бог ведает.

Едва выскочив за дверь, Шэнь Цинжань увидел прислоненные к стене костыли. Уголки его губ поползли вверх. Он бесшумно подхватил оба костыля в охапку и с концами утащил их.

Пакостливо, точь-в-точь Пастух, умыкнувший одежду феи.

(Китайская легенда: «Пастух и Ткачиха» - это древний миф, который объясняет происхождение праздника Циси (китайского Дня святого Валентина).

Сюжет: Пастух по имени Нюлан был бедным сиротой. Волшебный бык подсказал ему, что божественные феи спустились с небес, чтобы искупаться в земном озере. Нюлан тайком пробрался к озеру и украл одежду одной из фей — Чжинью (Ткачихи, внучки Небесного Императора). Без своей волшебной одежды Чжинью не смогла улететь обратно на небо. Нюлан вышел к ней, и она была вынуждена (или, по старой версии, согласилась) стать его женой.)

Забросив костыли в какие-то кусты, Шэнь Цинжань с ухмылкой подумал: посмотрим, как Сюэ Фэйфэн теперь будет изображать калеку! Неужели он сам еще не устал?

Спустя добрых полчаса Сюэ Фэйфэн приготовил рыбу-белку, которая кое-как удовлетворила повара Чжана, и тот наконец отпустил его. Отперев дверь, Сюэ Фэйфэн привычным движением протянул руку за костылями — и схватил пустоту.

Хм?

Оба костыля украли. Сюэ Фэйфэну ничего не оставалось, кроме как заподозрить выходку ушедшего ранее типа.

С пустыми руками, не имея возможности «сделать и шаг» без костылей, Сюэ Фэйфэн чувствовал, как от всей этой истории веет странно знакомым духом.

Он вспомнил Шэнь Цинжань, поливающую поле с бататом, и задумался, как теперь объяснить ей, что он потерял костыли, но при этом вполне способен ходить.

Шэнь Цинжань тем временем сидел на корточках в бататовых посадках и тоже усиленно размышлял, как объяснить Сюэ Фэйфэну, почему он пропадал столько времени и не сделал ни черта.

Он сбросил мужской халат, спрятал его обратно в траву у пруда и, поскольку сам почти не прикасался к кухонной утвари, от него совсем не разило рыбой.

Размазав по одежде немного грязи, Шэнь Цинжань во весь дух помчался домой, вымыл руки,

взял нож со ложкой и с невозмутимым видом уселся за стол.

— Кхм-кхм, Система, — заговорил Шэнь Цинжань вкрадчиво и по-деловому, будто это не он пару часов назад выманил у нее два куста призрачных орхидей. — Можешь выдать авансом бессемянный арбуз? Да побольше.

Система: «Еще даже не сажал арбузы, а уже сожрать хочешь?»

Шэнь Цинжань:

— Ты просто скажи: дашь или нет?

Система, взвинчивая цену на месте:

«Пять тысяч баллов. Ставка по кредиту — 10%.»

Чтобы забрать готовую еду прямо из системы, коэффициент обмена всегда был бешеным. В прошлый раз Шэнь Цинжань выменял горстку ботвы батата, ухнув на это все баллы, заработанные адским трудом за посадку двух му.

Сейчас на его счету оставались жалкие 2 балла — аккурат за те две орхидеи, высаженные утром у повара Чжана.

Шэнь Цинжань опешил:

— Мне нужен просто арбуз, а ты навешиваешь на меня ипотеку на двадцать лет?!

У Системы тоже подгорали показатели выполнения плана: бюджет был превышен, и ей требовалось выжать из Шэнь Цинжаня все до копейки. Если не загнать его в долги, у него вообще не появится рвения к земледелию!

Система:

[Окончательная цена, без обмана. Погасить в течение двух месяцев.]

Шэнь Цинжань сцепил зубы:

— По рукам!

В следующее мгновение в его руках материализовался увесистый, темно-зеленый арбуз. Шэнь Цинжань обнял его обеими руками, оглядавая находку со щемящей тоской в сердце. Ну и дороговизна!

Шэнь Цинжань быстро пластанул арбуз ножом, нарезал ярко-красную, сочную и хрустящую мякоть аккуратными кубиками, а затем ложкой переложил их на белоснежную фарфоровую тарелку.

Тонкими палочками он натыкал в мякоти несколько хаотичных дырочек и заботливо выложил красивую композицию, едва не изойдя слюной.

Сюэ Фэйфэн не застал Шэнь Цинжаня на поле, да и саженцы батата не имели ни малейших следов обработки. Он был весьма удивлен, а в его голове крутилась одна смутная догадка. Всю дорогу он ломал голову, как сказать Шэнь Цинжань, что он не хромой, да так, что совсем забыл про рубку дров.

Заслышав скрип калитки, Шэнь Цинжань вскинул взгляд и увидел, как Сюэ Фэйфэн с притворным видом опирается на какую-то деревянную палку.

Он поспешно отложил тарелку с арбузом, выскочил навстречу и сунул прямо под нос Сюэ Фэйфэну заранее подготовленный листок с запиской:

«Я переживал, как ты там рубишь дрова, и пошел на гору проверить. И вдруг в сорняках наткнулся на огромный арбуз! В такое время года — немыслимая редкость, даже плети у него давно засохли! Не найди я его — он бы просто сгнил!»

Шэнь Цинжань потянул Сюэ Фэйфэна к столу посмотреть на нарезанный арбуз.

«Я все утро выбирал для тебя косточки из арбуза!»

Так что это не он отлынивал от работы! И ни в какие неположенные места он тоже не ходил!

<http://bllate.org/book/17933/1987064>